

Ичинская М.В.,

магистрант,

2 курс, Институт истории и международных отношений

Кемеровский государственный университет

Россия, г. Кемерово

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ КОНТРОЛЯ НАД ЯДЕРНЫМИ ВООРУЖЕНИЯМИ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

***Аннотация:** Статья исследует трансформацию системы контроля над ядерными вооружениями после холодной войны, анализируя ключевые договоры (СНВ-I, СНВ-III, РСМД, ДВЗЯИ, ДНЯО) и их эффективность в условиях многополярности. Освещаются современные вызовы и предлагается концепция «гибридных режимов контроля» с использованием цифровых технологий.*

***Ключевые слова:** многополярность, ДНЯО, РСМД, блокчейн, нераспространение ядерного оружия.*

POST-COLD WAR POLITICAL AND LEGAL MECHANISMS FOR NUCLEAR ARMS CONTROL

***Abstract:** The article examines the transformation of the nuclear arms control system after the Cold War, analysing key treaties (START I, START III, INF Treaty, CTBT, NPT) and their effectiveness in a multipolar world. It highlights current challenges and proposes the concept of «hybrid control regimes» using digital technologies.*

Keywords: *multipolarity, NPT, INF Treaty, blockchain, nuclear non-proliferation.*

После завершения холодной войны система контроля над ядерными вооружениями претерпела значительные трансформации, обусловленные сменой геополитического ландшафта, технологическим прогрессом и появлением новых вызовов. Традиционные механизмы, ориентированные на биполярное противостояние США и СССР, постепенно утратили эффективность, что потребовало адаптации подходов к регулированию ядерных арсеналов. Одним из первых значимых соглашений после холодной войны стал Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1, 1991 г.), в рамках которого СССР и США обязались в течение семи лет сократить ядерные арсеналы до 6 000 боезарядов. При этом за счёт особенностей «зачёта» бомб и ракет на стратегических бомбардировщиках СССР мог сохранить до 6 500 боеголовок, а США — до 8 500. Договор также запрещал разработку, испытания и развёртывание баллистических ракет воздушного базирования, донных пусковых установок и орбитальных ракет. С научной точки зрения, СНВ-1 заложил методологию количественных ограничений и верификационных процедур, став прототипом последующих соглашений. В 2010 году был подписан СНВ-III (New START), который сократил лимиты на развёрнутые стратегические ядерные вооружения до 1 550 боеголовок на одну страну. Договор предусматривал взаимные инспекции и обмен телеметрической информацией, что усиливало транспарентность. С позиции теории международных отношений, СНВ-III стал примером «ограниченного кооперативного поведения» в условиях нарастающей конфронтации [Арбатов 2018: 6].

Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД, 1987 г.) запрещал производство, испытание и развёртывание баллистических и крылатых ракет наземного базирования средней и меньшей дальности (500–5

500 км). Выход США из договора в 2019 году привёл к серии эскалационных шагов – США начали испытания и планируют с 2026 года разместить в Германии ракеты SM-6, Tomahawk и гиперзвуковые LRHW. Россия, в свою очередь, отказалась от одностороннего моратория на развёртывание РСМД, активизировала производство наземных комплексов средней и меньшей дальности и применила БРСД «Орешник». Европейские страны приступили к разработке крылатой ракеты с дальностью 1 000 км. С точки зрения геополитического анализа, это привело к формированию новых региональных балансов сдерживания и перераспределению стратегических рисков. В результате выросла стратегическая нестабильность, сократилось подлётное время ракет до целей, а риски ракетных кризисов — как в Европе, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе — существенно возросли [Kile 2025: 24].

Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) был принят Генеральной Ассамблеей ООН 10 сентября 1996 года и открыт для подписания 24 сентября того же года. Он запрещает все ядерные взрывы в военных или мирных целях, а для вступления документа в силу необходима ратификация 44 государствами, имеющими ядерное оружие или потенциал его создания. По данным на начало 2026 года, ДВЗЯИ подписали 187 государств, а ратифицировали — 178, из 44 стран из Приложения 2 к документу договор ратифицировали 36 государств, включая Россию, Великобританию и Францию. С позиции институциональной теории, неполная ратификация ДВЗЯИ демонстрирует проблему «коллективного действия» – отдельные государства получают преимущества от несоблюдения норм, подрывая общую безопасность. В 2023 году Россия отозвала ратификацию ДВЗЯИ. Президент В. В. В. Путин подписал соответствующий закон 2 ноября 2023 года после заявления о возможности такого шага в октябре того же года. При этом Россия продолжила передавать данные и получать информацию в рамках функционирования Международной системы мониторинга. Среди стран, не

ратифицировавших или не подписавших ДВЗЯИ, — США, Китай, Египет, Израиль, Иран, Индия, КНДР и Пакистан.

На фоне этих процессов проявились новые вызовы и кризисные тенденции. Китай активно наращивает свой ядерный арсенал — по оценкам, примерно на 100 боеголовок в год, — при этом Пекин отказывается участвовать в трёхсторонних переговорах по разоружению с США и Россией, что усложняет контроль над вооружениями. С точки зрения теории многополярности, это отражает переход от биполярной модели контроля к сложной системе с участием нескольких центров силы. Укрепление союзничества между Россией и Северной Кореей, выразившееся в подписании стратегического пакта с положением о взаимной военной помощи в июне 2024 года, также усиливает напряжённость. Развитие высокоточного обычного оружия, кибертехнологий, искусственного интеллекта и космических систем создаёт дополнительные риски – киберугрозы в отношении командных систем управления ядерным оружием и систем предупреждения о ракетном нападении требуют разработки новых подходов к верификации и контролю, а квантовые технологии и автономные системы могут повысить уязвимость ядерных сил. С научной позиции, это формирует «парадокс технологической безопасности»: прогресс одновременно повышает эффективность вооружений и снижает устойчивость систем сдерживания. Истечение срока действия СНВ-III в феврале 2026 года лишило мир последнего соглашения, регулировавшего отношения США и России в сфере стратегической стабильности, а диалог между ключевыми ядерными державами затруднён из-за обострения отношений, санкций и взаимных обвинений. Ядерные учения, такие как Steadfast Noon НАТО в 2025 году, и модернизация арсеналов воспринимаются как провокация, сокращая пространство для диалога.

Режим нераспространения ядерного оружия (ДНЯО) сталкивается и с давлением – Индия, Пакистан, Израиль и КНДР продолжают развивать ядерные программы, не будучи подписантами ДНЯО, существует риск

попадания ядерных материалов в руки террористов, а в 2025 году Бразилия объявила о намерении пересмотреть планы использования ядерных технологий, что может усилить напряжённость. Данные события демонстрируют кризис традиционных механизмов нераспространения в условиях растущей технологической доступности [Михайленко 2020: 89]. В ответ на эти вызовы предпринимаются попытки адаптации механизмов контроля. Обсуждается расширение договоров за счёт ограничения крылатых ракет, систем ограниченной ядерной войны и стратегических неядерных вооружений. Реализуются инициативы по укреплению доверия, включая обмен планами по развёртыванию систем противоракетной обороны и меры транспарентности, такие как посещение испытательных полигонов. Развиваются многосторонние форматы, в том числе группа ядерных поставщиков, режим контроля за ракетной технологией и Гаагский кодекс поведения по предотвращению распространения баллистических ракет [Acton 2013: 117].

Кроме того, предлагается заключить соглашения об отказе от киберопераций против инфраструктуры ядерного командования и систем предупреждения. Перспективным направлением является разработка «гибридных режимов контроля», сочетающих традиционные методы верификации с цифровыми технологиями – использование блокчейна для отслеживания перемещения компонентов вооружений; применение ИИ для анализа данных спутниковой разведки; внедрение датчиков дистанционного мониторинга на объектах инфраструктуры.

На начало 2026 года глобальная система контроля над ядерным оружием находилась в состоянии кризиса, а истечение срока действия СНВ-III создало риски возвращения к бесконтрольному наращиванию арсеналов. Для преодоления кризиса требуется разработка новой концепции стратегической стабильности, учитывающей многополярность и новые технологии, возобновление диалога между ключевыми ядерными державами, расширение

сотрудничества в сфере верификации и снижения рисков, включая использование современных технологий (например, дистанционного мониторинга), а также укрепление режима нераспространения и борьба с ядерным терроризмом. Ключевую роль в этом процессе должны играть Россия, США, Китай, Франция и Великобритания как государства, обладающие ядерным оружием и опытом работы с атомной энергией, однако достижение консенсуса в условиях геополитического противостояния остаётся сложной задачей. Аналитики отмечают, что в условиях ослабления контроля над вооружениями и модернизации ядерных арсеналов мир может столкнуться с новой гонкой ядерных вооружений, риски которой будут более разнообразными и серьёзными, чем в эпоху холодной войны. С точки зрения футурологии безопасности, преодоление кризиса возможно только через создание адаптивных международных институтов, способных реагировать на технологические и геополитические изменения в режиме реального времени.

Источники и литература:

1. Арбатов, А. Г. Трансформация ядерного сдерживания / А. Г. Арбатов // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62, № 7. С. 5–16.
2. Kile, C. A. Nuclear Weapons: Who Has What at a Glance / C. A. Kile, H. M. Kristensen // *Arms Control Today*. 2025. Vol. 55, No. 1. P. 22–28.
3. Договор о запрещении ядерного оружия: формирование нового режима? / под ред. Е. Б. Михайленко. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. 256 с.
4. Acton, J. M. Strategic Stability: Contending Interpretations / J. M. Acton. Washington, DC : Carnegie Endowment for International Peace, 2013. 451 p.